

Владимир Мищенко

Внеплановая командировка

16+

Владимир Мищенко

Внеплановая командировка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477853

SelfPub; 2022

Аннотация

Поступая в военное училище, курсанту не обещают лёгкой жизни, но обещают тяготы и лишения военной службы. Офицеры – государевы люди, служат там, где прикажут. И чаще всего, это тайга, джунгли или пески. Вьетнамские джунгли здесь не исключение. И присягу никто не отменял.

Владимир Мищенко

Внеплановая командировка

ВНЕПЛАНОВАЯ КОМАНДИРОВКА

Ночь. Духота. Августовская жара. Страна не спит. Не сплю и я. Я взмок до пота. И мысль куда-то потекла: Ей полетать охота. А ну, вернись в болото! Вот так лежу, Не смежив глаз, Уже не час. Так режет сон Тупой алмаз, Выдавливая воспоминания из нас. И вспомнил я, В который раз, Но это был другой рассказ. Здесь было все жестоко. Плету из слов я кружева, К савану тянется рука Прикрыть товарища тогда, Закрывшего меня от пулемета. Начну рассказ.

Я только пододвинул к себе тарелку с биточками, как два длинных занудных звонка отвлекли меня от такой приятной процедуры, как заслуженный обед. Так звонить может или нахал, но учитывая мою должность в этой воинской части, навряд ли, или посыльный. Что, собственно, тоже не лучший вариант. Посыльный.

– Товарищ старший лейтенант, товарищ капитан прислал меня к вам передать, что комбриг сказал вам прибыть к нему сразу после обеда.

– Так я после обеда все равно пришел бы.

– И я так ему сказал, но он говорит, что вы можете в штаб не зайти.

– И то верно. Понял. Спасибо. А что случилось?

– Понятия не имею.

– Ладно. Давай.

Аппетит почему-то пропал. Где-то я проштрафился, и меня вызывают на ковер. А кому это понравится. Тем более начнутся упреки типа: тебе только присвоили старшего лейтенанта, а ты.... Дома уже не сиделось, поэтому просто попил кофе, и пошел к дежурному.

– Серж, что случилось? – обратился я к помощнику оперативного дежурного. – К чему хоть готовиться? Что-нибудь в казармах?

– Нет, вроде бы. Может, это из-за груза, который сегодня прибыл. Особисты с утра суетятся.

– А я-то причем?

– А я откуда знаю. Вон командир идет, у него и спрашивай.

Я оглянулся и увидел входящего в штаб командира нашей бригады.

– Смирно! – крикнул помдеж.

– Вольно. А, Щетинин, пошли ко мне в кабинет.

Если предполагался “пистон“, то кричать уже начал бы. В назидание присутствующим. А так говорит спокойно. Это уже успокаивает.

– Так, старший лейтенант, – проговорил комбриг, заходя в кабинет. Я, как и положено по военному этикету, остался стоять невдалеке от двери. – Щетинин, ты уже ездил в ко-

мандировку во Вьетнам. Съездил успешно. Молодец. Но так сложилась ситуация, что уже завтра надо отправить борт с грузом, а послать некого. Ты оказался крайним. Я помню, что у тебя маленький ребенок, но не грудной. Правильно?

– Так точно, товарищ полковник. Скоро два года.

– Вот. Верно. А у Пономарева, твоего дружка, еще грудной. (P.S.: ст. лейтенант Пономарев через полтора года поехал в командировку в Афганистан, и там в первый же день подорвался со всем экипажем БМД на mine. Все погибли. Осталась жена и двух годовалый ребенок.). Короче, готовься. Завтра в девять тридцать шасси должны быть уже в воздухе. Все загрузят без тебя. Твоя задача – оформить командировочный, забрать документы на груз у зам. по вооружению и не опоздать на борт. Понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Хорошо. Иди. Да, жене скажешь, что едешь, как обычно в Средне – Белую.

– Товарищ полковник, а по времени это на сколько?

– Доставишь. Там его проверят. Дадут заключение, и привезешь его.

– Ё-ё, так его ж могут испытывать месяц.

– Нет. Максимум неделя. Это приказ из Генштаба.

– И то хорошо. Разрешите идти?

– Иди.

– Есть.

Неделя там плюс дорога. Отлично. Летать я люблю. Тем

более питаться приходится в летной столовой и на халяву по летным талонам. Экономия денег опять же. А здесь недавно на прииск в магазин завозили японский автомат – проигрыватель на пять пластинок. Денег не хватило, а так бы купил.

Пришел домой. Жена стирает. Ребенок один играет в комнате.

– Командир вызывал. Завтра с утра в Средне – Белую улетаю деньков на десять. Примерно.

– Ты ж недавно был в командировке?!

– Я сам что ли напросился! Сама же видела, что посыльный приходил.

– Вечно у тебя. Другие офицеры постоять за себя могут. А тебя вечно куда-нибудь посылают. Все дырки затыкают. Вот посмотри, твоего друга Игоря посылают куда – нибуду? Нет. А Пономарев?

– Так у него же грудной ребенок. Вот вместо него и посылают меня. Мне так сам командир сказал.

– Да что ты врешь! Пономарев – артиллерист, а ты? Что ты все врешь! Сплошное вранье. Не умение постоять за себя даже в элементарном. Ну, что за наказание такое.

Я понял, что ловить здесь больше нечего. А что будет дальше, я уже знал. Не говоря ни слова, я повернулся и пошел на кухню.

– Я с тобой, кажется, разговариваю! Ты куда пошел? Вернись!

Она говорила еще что-то, но я уже не слушал. Я переключо-

чил себя на “автопилот“, и ее нотации и упреки шли простым звуковым фоном, не проникая под мою подкорку. Хотя под корку они потихоньку проникали, потому что вскоре на душе стало так противно и тошно, что захотелось выпить. Я понимаю некоторых офицеров, которые, живя здесь, спились, и от них уехали жены. Я своей такого повода не дам: я слишком себя люблю, чтобы так относиться к своему здоровью. Я лучше схожу на тренировку по каратэ к солдатам. Там хоть толк есть и забываешься о том, что тебя ждет дома.

В восемь пятнадцать уже был на аэродроме на КП. Летчики, увидев меня, улыбнулись и помахали рукой.

– Опять с нами.

– По-моему, сегодня вы со мной. Крайним оказался.

– Я не знаю, сколько у тебя прыжков, но по налету, тебе можно засчитывать год за два.

– Ой, да ваши бы слова, товарищ майор, да начальнику отдела кадров в Москве в уши. Хорошо хоть месяц за полтора идет за прыжки.

– Ладно. Пошли. Пятнадцать минут осталось. Не люблю опаздывать.

– А что, с вами до самой Камрани пойдем?

– Да ну. Нет, конечно. Подкинем до Белогорска, а там перегрузят тебя.

– А жаль.

– Нам тоже. Слетали бы с тобой и были бы спокойны за налет. Сейчас с топливом перебои. Не все свои пятьдесят

часов налетывают.

– Понятное дело. Год службы терять кому охота.

– То-то и оно.

Мне нравилось летать этим бортом. Механик молодец: сделал гамак, и в полете можно было довольно комфортно отдыхать.

Загудел, закружил пропеллер. Взлетели по – самолетному: с разбега. Судя по размерам изб внизу, поднялись примерно метров на восемьсот. С примерно такой же высоты мы всегда и прыгаем при десантировании. Люблю такие командировки: ни за что не отвечаешь, подчиненных нет, отвечаешь только за себя и за свой желудок.

Сели в Белогорске. Поели в столовой. За это время механики уже перекантовали груз. Я залез на новый борт сам. Снова перелет. Пересадка в Хабаровске, и далее все по отработанной схеме.

Камраньский аэродром встретил нас липким потом. У летчиков хоть вентилятор есть. А у меня в салоне даже иллюминаторы задраены, как на подводной лодке.

Ночь. Духота. Жара. Часовой не спит. Не сплю и я. Я всегда себе удивляюсь: как я при такой худобе умудряюсь еще и потеть? Нонсенс. Хорошо хоть до вечера, до темноты никуда дергаться не надо. Сейчас бы на базу к морячкам. У боевых пловцов всегда в кубриках кондиционер исправен, в холодильнике – ледяная минералка. Иначе здесь очень тяжело. Интересно, меня поселят далеко от них? До наступле-

ния темноты оставалась еще пара часов, как я увидел, что ко мне, сидящему под тентом рядом с ящиками, стал подруливать УАЗик. За рулем сидел знакомый еще по моей первой командировке капитан – лейтенант. С ним был незнакомый старший лейтенант и четыре молодых морячка. Судя по нашивкам, старлей, как и капитан – лейтенант, был из боевых пловцов, а морячки – морпехи.

– О, вот, что, значит, человек прибыл с большой земли. – Приветствуя меня, сказал капитан. – Уехал зеленым лейтенантом, а вернулся уже старшим.

– А то. Трудился не покладая рук, не щадя живота своего в солдатской столовой. Начальство заметило, оценило. И вот результат. Не то, что вы здесь.

– Да уж. Уж куда нам простым спецам против тебя.

– Ничего. Пока в командировке буду – научу вас жизни, возьмусь за ваше воспитание. Кстати, а сейчас-то, что сюда прикатали?

– Так наше начальство работает с опережением. Уже нас и подослали научиться уму-разуму. А начнем с того, что загрузим твои ящики, и сопроводим тебя до места. Читай пакет. – С этими словами он протянул мне запечатанный пакет. В пакете был приказ начальника группировки доставить указанный груз на одну из наших засекреченных баз на побережье Тонкинского залива северо – восточнее от Хайфона.

– Нет проблем. По мне, так еще и лучше. А это, я смотрю, пополнение. – сказал я, глядя на старшего лейтенанта.

– Да. Растим молодежь.

– А я и не знал, что у вас некомплект.

– А это на смену Еноту.

– Сережке?! Как? А он где?

– Ушел в дальний морской поход.

– Давно?

– Считай два месяца скоро.

– Жаль. Придем – помянем. Хороший мужик был.

– Был.

– По-крайней мере, ему не грозит дряхлая старость.

– Да. В этом ему повезло.

– Да упокоится его душа в Господе.

– Аминь. Ну, что? Давай грузиться.

– А темноты дожидаться не будем?

– Нет. Приказ выскочить в составе колонны, а потом уйти в автономное плавание.

– Приказ есть приказ. Военные, открывайте бортик. Старшой, помощи. Мы загрузили три ящика с изделиями на УАЗик и прикрыли их брезентом. Следом залезли туда и сами.

– А далеко ехать-то? А то что-то неудобно. Тесно.

– Не дрейфь. ГАЗ-66 уже под парами дожидается нас.

Судя по всему, нас уже ждали. Едва мы заняли свое место в колонне, и старший лейтенант с моряками пересели в ГАЗ-66, колонна тронулась в путь. На скорости семьдесят километров в час пронеслись мимо аэродромного КПП. В нескольких километрах от аэродрома вся колонна ушла на-

лево, а мы – направо, поближе к побережью.

– По-моему, удачно оторвались. Без хвоста. – Сказал мне капитан, когда мы на огромной скорости неслись мимо плантаций, глотая пыль от несущегося впереди нас автомобиля прикрытия ГАЗ-66. Почти сразу тихо зазвучал зуммер радиостанции Р-105.

– Да, первый. Понял. Конец связи.– И чуть позже, но уже мне.– Черт накаркал. Разведка сообщает, что по морю нам наперерез идут бомберы.

– А это значит?

– Это значит, что будет ковровое бомбометание. Не очень приятно. Хотя напалмовые бомбы с Фантомов тоже не хорошо.

– Не накаркай.

– А что здесь каркать. Сам смотри.

– Черт! Второй! Второй! На четыре часа пара Т-28. Набери скорость! Держись, старлей! Родео начинается. Надеюсь, игрушки позади нас не рванут.

– Нет. Там нечему взрываться.

– И то хорошо.

Самолеты на бреющем полете прошли над нами. Убедились, что мы – это мы. Развернулись и стали заходить на боевое бомбометание.

– Хреново тем, что у этих истребителей – бомбардировщиков и ракеты, и бомбы, и пулеметы. Никогда не знаешь, чем вдарит на этот раз.

– А это все от задачи зависит. Если нужен груз – будут бить из пулемета. Если хотят уничтожить – сожгут напалмом.

– Значит, будут жечь. На хвосте никого нет.

– Точно. Давай машины в рассыпную.

– Второй, второй, готовься к бомбометанию. Уходи влево с дороги на поля. Действуй.

Только наши машины разъехались, как на нашем предполагаемом месте загремели взрывы, и запылали небоскребы огня – это взорвались напалмовые зажигательные бомбы. Убедившись в своей неудаче, американские летчики начали охоту за нами. Они разделились и стали играть с нами в игру на выбивание. Смотреть по телевизору, как фашистские самолеты расстреливали машины на дорогах, было как-то спокойнее. Нам не повезло. Рядом разорвалась бомба, и взрывной волной нас швырнуло далеко вперед.

Четыре трупa возле танка Дополняют утренний пейзаж.

Не знаю почему, но я очнулся, напевая эту песню про танкистов. Оглушенный, я с трудом встал на четвереньки. Смутно увидел уносящийся в даль ГАЗ-66. Хорошо хоть они спаслись. Надеюсь. Невдалеке заворочался капитан. В десятке метров от нас на боку лежал наш УАЗик. За ним метрах в пяти бушевало море огня. Нестерпимый жар чувствовался даже здесь. С моря заходила армада бомбардировщиков, и уходила туда, куда унеслись наши товарищи.

Все кто там был, получили увечья. Лишь только те, кто в

гробу – ничего.

Опять хриплым голосом пропел я.

– Эй, капитан, живой, как посмотрю.

– А ты думал. Боевые пловцы – не сухопутные крысы. Мы погибаем только в море.

– И это хорошо. А то, как мне пришлось бы тащить эти ящики одному.

– Ну, ты загнул. Я – моряк, а не верблюд.

– И это правильно, потому как приказ есть приказ.

– Ё-мое. Но как мы дотащим все три?

– Понятия не имею. Но один ящик, по-моему, разбит.

– Хорошо бы.

Очевидно, мы достаточно долго лежали, так как бушующее пламя еще гудело, но жар уже был не такой. Действительно, два ящика были разбиты, и их содержимое было покорежено. Зато один ящик был совершенно цел. Посоветовавшись, мы швырнули два поломанных ящика в пламя, чтобы секреты нашей оборонной промышленности не стали достоянием американцев до того, как мы сами испытаем это в бою.

– Старлей, что думаешь? Предложения.

– Судя по карте, недалеко побережье залива. А там должны быть деревни или еще что-нибудь.

– Правильно думаешь. Где-то здесь должен быть рыбсовхоз. Если мы его не проскочили, конечно.

– Тихо. слышишь?

– Да. Нашим братишкам коврик стелят. Они думают, что эти ящики в большой машине. Простите, братишки.

– Война есть война. Здесь всегда кто-то гибнет за другого.

– Ты прав. Пошли. Минут через пятнадцать будет совсем темно, а идти еще далеко. Не будем терять времени.

С трех метров трудно не попасть в дом. Так и нам километр влево, километр вправо, но все равно выйдем к заливу. К утру дошли до воды, но признаков жилья не было абсолютно никаких. Решили поспать и идти дальше. Минут через двадцать после рассвета, чуть в стороне он нас пролетели два “Хьюи” – американские турбореактивные вертолеты Ю-21Б.

– Ой, не нравится мне это. Не к добру эти вертолеты здесь летают. Ой, не к добру. Пошли. Дойдем до леса. Там поспокойнее будет. Взявшись за ручки ящика, мы быстрым шагом пошли вперед. Добравшись до опушки, решили передохнуть. Рокот моторов привлек наше внимание. Примерно в месте нашего последнего отдыха сел вертолет, и с него посыпались солдаты.

– Вот так дела. Оборзели, янки. Война еще когда закончилась, а они... Старлей, это по нашу душу.

– Не по душу, а по тело. У американцев нет выражения “по душу”. Они говорят “no body”, то есть по телу.

– Нам от этого не легче.

– Наверное. Побежали?

– Бегом быстро выдохнемся. Пойдем быстрым шагом.

– Хорошо хоть ящик не очень тяжелый.

– Как думаешь, они по нашим следам идут?

– А то.

– Тогда я им растяжки оставлю.

– Ты что? Откуда у тебя граната?! Ты ее с большой земли, что ли притащил?

– Что я, ненормальный что ли. У тебя из бардачка стащил. Хотел рыбу глушануть. Люблю жареную рыбу.

– Ну, ты даешь, маэстро. Надо же. Салага, морская рыба не всплывает после глушения. А почему – ты узнаешь у учительницы по биологии. Ладно, тогда и я им сюрприз оставлю. Работаем. Минут через семь мы опять превратились во выючных животных, надеясь, что наши сюрпризы хоть немного их задержат, и “мы успеем добежать до канадской границы, хотя силы наши уже не те”. Бежать с ящиком по лесу, в котором полно кустарников, крупных лиан и змей, свисающих с ветвей, будто ветки и веточки, не лучший вариант. Но так была хоть какая-то надежда, что наши следы затеряются. Мы надеялись на отсутствие следопыта в этом отряде. Где-то в этих местах находился дивизион БМ-13, знаменитых Катюш, который прикрывал эту часть побережья от вторжения с моря. Но где же вы, хлопчики наши вьетнамские? Нас достаточно быстро и верно догоняли.

– Наверное, придется уничтожить изделие, так как принимать бой нечем. Да и их с десятков будет.

– Девять.

– В смысле, ты посчитал их что ли?

– Само собою.

– Молодец, но рыть девять могил для них в джунглях накладно. Проще – две и для себя. Оружия-то нет.

– Пистолет и две обоймы.

– По количеству пуль – хватит. А по качеству? Там же или беретты, или рейнджеры. Все они тоже стрелять умеют. Тем более, у них автоматические М-1, а у тебя Макаров.

– ТТ.

– ТТ? Ты где его нашел?

– Здесь еще и не такое можно найти. Давай, взваливай ящик на горб и беги. А я в охотника поиграю.

– Только не увлекайся. Мне нравится, как ты рыбу жарить.

– Но это, сам понимаешь, и от них тоже зависит.

Он помог мне закинуть ящик на спину, и я пошел дальше. Через какое-то время раздался взрыв. Хотелось думать, что это была моя растяжка. Потом – пистолетные выстрелы. В ответ – автоматные очереди. И так несколько раз. Гранат американцы не жалели. Оно и понятно, ведь из М-1 дерево не пробьешь, а гранату можно кинуть и дальше. Потом все стихло. Почему? Не хотелось верить, что капитана убили. Война есть война, и приказ есть приказ. Мой ящик уже был килограмм под восемьдесят. Как я ненавидел лианы, постоянно цепляющие ящик, знал и слышал только я. За очередным высказыванием своего отношения к лианам, к джунглям и ко всему Вьетнаму в целом, я прозевал приближение

ко мне человека. Неожиданно сбоку, совсем рядом со мною появилось тело. Совсем, как у американцев. К моей радости это был капитан. Но ранен. Первая пуля осталась в руке, вторая прошла как раз между телом и прижатой к телу рукой. Так, ерунда, две рваненькие ранки. В руках у него был гранатомет М-79, больше похожий на одностволку огромного калибра.

– А ты побольше ничего не нашел? А пистолет-то где?

– В кобуре, естественно. Это же мой табельный.

Он ухватился здоровой рукой за ручку ящика, и мы быстрым, максимально возможным в этих условиях, шагом понеслись прочь от погони.

– Сколько их осталось? – прохрипел я.

– Не знаю. Трех положил точно. Сколько еще ранил и сколько от твоей растяжки – не знаю.

– Так это моя сработала все-таки?

– Ну, да. Они и шарахнулись в мою сторону. Пришлось стрелять на опережение.

– Все хорошо, что хорошо кончается.

– У кого это кончается? У нас? У нас только самое начало.

Пробежав еще шагов двадцать, я услышал крик капитана:

– Базуки. Ложись!

Мы с размаху рухнули в высокую траву, и тут же снаряд угодил в одно из деревьев, осыпав осколками все в округе. Мы избежали осколков, но меня слегка контузило, заложило уши. Почти сразу же вскочил капитан и выстрелил из М-79.

Невероятно, но он стрелял по ходу движения. Как они могли нас опередить? Раздумывать было некогда. Схватив ящик, мы опять рванули вперед. Трое солдат в камуфляжной форме, раскинув руки, лежали в траве. У одного из них выпала из руки пачка вьетнамских сигарет “Ха-Лонг “. Я всегда говорил, что курение вредит здоровью, а иногда даже и убивает. Хороший пример. На какое-то время мы оторвались от погони. Но надолго ли?

– Стой. – закричал мне капитан. – Делаем ход конем. Пока они обшаривают джунгли, мы рванем на берег и по песку побежим. Отбежим хоть метров на сто, а потом ляжем. Я с их эмки положу всех, кто дернется за нами. Одиночными она бьет хорошо.

Тут я увидел, что у него за плечами болтается трофейный автомат. А мне и в голову не пришло подхватить оружие у убитых. Видимо, этот ящик настолько уже достал меня, что я стал думать только о нем и о бегстве. Такая степень отупения чревата гибелью. Мы, как стадо кабанов, рванули к берегу. Первая промелькнувшая моя мысль была, что мы, наконец-то, добежали до рыбсовхоза, и, значит, до помощи. Но, увы. Это были всего лишь брошенные бочки. Некоторые из них стояли на деревянных поддонах. Некоторые – просто валялись на земле. Часть из них была прикрыта кусками брезента. И все. И влево, и вправо – пусто. Пусто, но не совсем. Впереди по ходу движения, примерно в двух километрах поднимался в воздух вертолет. Американский. А

около него, защищая глаза от песка, стояло еще семь солдат. Этих я сосчитал. Мы были окружены. Нас можно было попластунски обложить с трех сторон, и мы не сможем даже голову поднять, не подставив ее под снайпера или пулю, хорошо стреляющего бойца. Вертолет поднялся и на высоте метров в десять ушел в сторону моря.

– Вот и нам бы туда.— Мечтательно сказал я.

– Будем.— Ответил мне кэп.— Побежали.

Подхватив ящик, мы побежали к бочкам.

– Что задумал?— Спросил я, думая, что он хочет сделать из бочек своеобразную крепость.

– Помогай.— Только и ответил он.

А что мне еще оставалось делать? Подчиненный всегда должен делать то, что ему приказывает старший, и надеяться, что этот приказ верный и сохранит ему жизнь.

Мы убедились, что две валяющиеся бочки пусты и наглухо закрыты пробками. Подкатали их к кромке воды, а потом взгромоздили на них один из контейнеров. Концами веревок, торчащими от брезентового куска, мы и привязали этот самый брезент сверху, типа коврика на палубе, прихватив им еще и бочки. Небольшое усилие и плот был в воде. Поставить сверху ящик, было делом двух минут.

– Весел нет, поэтому я буду буксиром спереди, а ты толкай сзади. — Крикнул мне капитан и бросился в воду. Я, естественно, тоже.

Обе группы американцев подоспели к берегу, когда мы

были от него почти в ста метрах. Восходящее солнце слепило глаза целящихся в нас. Волны, блики – все это играло на нас и за нас. Мы уплывали все дальше и дальше от них. Если бы у них был вертолет, то, конечно, мы бы ушли в плавание кормить рыб. Но и здесь нам повезло. Вскоре ко мне подплыл капитан. Возле него было характерное облако розового цвета.

– Ты что, ранен?

– Зацепило.

– Ты же впереди плыл. Как это?

– Это еще в лесу.

Надо же. Он бежал, а потом еще мастерил плот. Раненый. И даже не стонал. Я бы так не смог.

– Давай, залезай наверх. Не хватало тебе от потери крови умереть. Пятьдесят процентов потеряешь и каюк. Да еще и акул приманишь.

– Не бойсь. Американская винтовка хоть и хуже нашей, но акул распугает.

– Уж лучше не давать повод. Давай, лезь, говорю. Ты же кровь теряешь.

Кэп подтянулся, вскарабкался и растянулся на крышке ящика. Я постарался поэнергичнее отбуксировать наш плот подальше от этих кровавых прикормок для акул. Собственно, никаких проблем у нас и не было. Морская вода хорошо держала тело на поверхности. И, если бы не осознание того, что мы методично отдаляемся от родного берега на какую-то

кудыкину гору, куда Макар, уж точно, телят не гонял, можно было бы представить себя отдыхающим. Я тихо плыл, и мне опять захотелось на Средиземное море, на южное побережье Франции. Нет, я там не был, но, когда я сидел на аэродроме на ящиках, мне хотелось туда съездить.

Но, как постоянно говорил один из тренеров по у-шу, никогда нельзя расслабляться. Даже в спокойной и вроде бы безопасной обстановке. Он, разумеется, имел в виду не мышечное расслабление, а мысленное. А я расслабился. Просто плыл и балдел. Вдруг мой живот теранулся обо что-то большое холодное и, возможно, скользкое. Это что-то, как мокрая длинная доска, протерлось до самых пальчиков на ногах. Я в ужасе ждал, когда же она меня схватит своими ужасными зубами. Только ужасные зубы и длинные клыки могут вызывать ужас. Продолжалось это удовольствие долго. Я успел отметить, что, если мы идем встречным курсом, то челюсть уже где-то позади меня, и ее, то есть челюсть, надо еще развернуть для второй атаки. Страх придал мне силы, и я с криком начал выпрыгивать из воды. Если останусь в живых, то уеду в Арктику и устраююсь тренером к пингвинам. Буду учить их, как правильно и повыше надо выпрыгивать из воды на скалы, если за ними гонится касатка.

– Что, что случилось? – встревожено спросил меня кэп.

– Акула! Огромная акула. Метров пять. Не меньше.

– А где плавник? Они всегда плавают на поверхности. Никаких плавников не было. Я контролирую море.

– А что же это было? Оно постоянно скользило по груди и до ног. И долго так. Ужас. Я говорю, что метров пять по мне прокатилось. Или я по нему.

– А может, это кит сюда забрел?

– А где фонтанчик, как у маленького мальчика, который сидит в тазике с водой?

– Мальчика нет. Согласен.

– А может, это была подводная лодка?

– А вот это уже интересная мысль. Но не наша. Это однозначно. Хм. Любопытно.

– Да, уж. Я чуть не обделался. Хорошо хоть в воде был.

– Тут тебе, братишка, опять повезло.

– И не говори. Давай, ты сиди и смотри сюда, а я возьму себе этот сектор обстрела. Чуть что и мы их со Шмайсера срежем.

– Заметано. – Сказал кэп и начал типичным армейским голосом напевать военный шлягер на мотив детской песенки:

Вместе весело шагать- По болотам, по зеленым! А деревни поджигать Лучше ротой, лучше ротой. В небе зарево полыхнет, полыхнет... Раз бомбежка, два бомбежка – нету рощицы. Раз атака, два атака – нет селения, Ах, как мы любим коренное население!

Хорошая песня. Жаль автора не знаю. Эх, когда же я переvedусь куда-нибудь, где не так жарко и нет этого поганого гнуса.

– Ты думаешь люди в САВО служат, им хорошо? Средняя Азия – это по телевизору интересно, а наши гарнизоны стоят, так вешалка сплошняком.

– Ты не прав. Везде хорошо, где нас нет.

– Правильно. Поэтому соседский шмат сала всегда кажется толще, а его жена проворнее.

– Вот поэтому я до сих пор и не женат.

Было жарко. Дул легкий бриз, но он не спасал от яркого солнца.

– Хоть бы чепчик какой. Голову припекает капитально.

– А ты нырни, поплавай.

– Куда? Туда?! Нет уж. Два раза в детстве тонул. Только что меня чуть не зачифанила какая-то морская тварь. Не-е-е. Умный в воду не пойдет, умный воду обойдет. Отныне я купаюсь только в ванне или бассейне. Я как вспомню свои ощущения верхом на той твари, так начни сейчас стрелять по нам из пулемета, но и тогда я в воду не сигану.

– Не загадывай. Ты – солдат. А у нас многое идет на уровне инстинкта, рефлекса. Ты и сообразить не успеешь, как уже что-то сделаешь.

– Может, ты и прав. Но я сейчас от водочки не отказался бы. Немного – грамм сто пятьдесят – двести, но с малосольным огурчиком.

– И все?

– Да. А что? Согласен. Можно даже половину огурчика, а то закуска останется – придется еще выпивку искать. За-

мкнутый круг.

– Да уж. Переход количества в качество. Кончается закуска – покупаешь еще. Закончилась выпивка, а закуска – нет, покупаешь выпивку. И так до бесконечности. Знаем. Плавали.

– Селяви.

Мы опять на долгое время замолчали. Я умудрился даже немного вздремнуть, скрючившись на ящике. Хорошо, когда у тебя за спиной школа караульной службы, где я пару раз умудрялся спать на ходу, обходя свой пост, который был шестьсот тридцать четыре шага только в одну сторону.

– Читал я как-то рассказ – не удержался я – Рея Брэдбери, в котором земляне прилетели осваивать опустевший Марс. Со временем у них стали глаза золотистого цвета, а сами – смуглые, и говорить начали по – марсиански.

– “Были они смуглые и золотоглазые“. Читал.

– Правильно. Я что подумал, если мы так поплаваем недолго, пару недель, закоптимся на этом солнышке. От этого же солнца будем вечно прищуренные. Представляешь: приплываем мы куда-нибудь, а нам вместо русского “зд-расте“ – привет, граждане китайцы. Какого?

– Ты лучше надейся, чтобы эти самые китайцы тебя раньше наших или вьетнамцев не встретили. Помяни мое слово, что встреча с китаезами для тебя будет не очень приятной.

– Да где ж ты их встретишь?

– А ты считаешь, что у них лодок нет? Их пограничные

катера на Амуре помощнее наших будут. Да и пираты китайские такой шмон на море устраивают, что мало не кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.